

После того как Хань Дань, ухватившись за веревку, спустился вниз, Чжоу Юй нахмурился и с легким неудовольствием произнес:

— Подобные вещи нельзя болтать на каждом шагу. Тебе же самому выйдет боком, если пойдут дурные слухи.

Сунь Цэ, казалось, ничуть не заботился об этом:

— Да что тут такого? Ты — мой лучший брат, и все вокруг и так всё понимают.

В его голосе при этих словах проскользнула едва уловимая печаль. Внезапно он шагнул вперед и обхватил Чжоу Юя рукой за плечи. Тот от неожиданности широко раскрыл глаза, не зная, какую еще выходку выкинет господин Сунь. В следующую секунду Сунь Цэ свободной рукой схватился за веревку и прыгнул вниз. Оба, Чжоу Юй и Сунь Цэ, стремительно скользнули по стене. Оказавшись на земле, Чжоу Юй еще не успел прийти в себя от ужаса — ведь только что они были наверху, а теперь уже внизу, — как Сунь Цэ подхватил его, вскинул в седло и, на глазах у тысяч воинов, под их оглушительный шум и подначки, стеганул лошадь и помчался прочь.

Вечером, в лагере, праздновали успех. Сунь Цэ, выпив две-три чаши, был в самом приподнятом настроении, когда Лу Су внезапно дернул его за рукав и прошептал:

— Хватит пить, старший брат. В палатке Гунцзиня его тоже нет.

Сунь Цэ замер, опуская кубок:

— Ты искал везде?

Лу Су кивнул, с невинным видом глядя на него. Сунь Цэ отставил вино в сторону, собираясь лично отправиться на поиски, но вдруг остановился и спросил:

— Скажи... вы, книжники, действительно так сильно придаете этому значение?

Лу Су с недоумением посмотрел на него:

— Цзыцзин не понимает, о чем говорит господин.

— Ну... я о том... если я обниму тебя и мы вместе скатимся с крепостной стены, ты разозлишься? — тихо спросил Сунь Цэ.

Лу Су в этот момент хотелось просто впечатать Сунь Цэ в конский круп. Глубоко вздохнув, он ответил:

— Господин, об этом лучше спросить самого Гунцзиня. По мнению же Цзыцзина, господин и Гунцзинь могут быть семьей, могут быть братьями, но они никак не могут быть лишь правителем и подданным.

Сунь Цэ с сомнением посмотрел на него:

— Цзыцзин, кажется, я не совсем понял твои слова.

Лу Су вдруг свистнул, подзывая коня, передал поводья Сунь Цэ и прошептал:

— Со временем господин обязательно поймет.

Проскакав немного по лесу, где огни становились всё тусклее, Сунь Цэ придержал коня: до него донеслись звуки цитры. Он узнал их сразу — так мелодично и в то же время с такой глубокой печалью мог играть только Чжоу Юй. Следуя за музыкой, он вышел к берегу реки, где под огромным деревом, как и ожидалось, сидел Чжоу Юй.

Хотя стояла ночь, лунный свет, отражаясь от водной глади, создавал мягкое, но отчетливое сияние, подчеркивая прекрасный профиль Чжоу Юя. Сунь Цэ, ведя коня в поводу, медленно подошел ближе. Чжоу Юй был так погружен в музыку, что не заметил его появления. Легкий ветерок шевелил его волосы, и Сунь Цэ, не желая нарушать этот миг, замер, любясь им.

Когда музыка стихла, Чжоу Юй поднял голову и, заметив за спиной Сунь Цэ, спросил:

— Почему ты не празднуешь со всеми, а пришел сюда?

Сунь Цэ обошел его и, взглядевшись в лицо, заметил в его глазах блеск слез. Он ответил:

— Если я буду пить дальше, боюсь, Гунцзинь прыгнет в реку Ло и превратится в божество реки Ло.

Чжоу Юй улыбнулся:

— Я просто вышел проветриться, ничего особенного.

— Ты играл прекрасно, правда, — не удержался от похвалы Сунь Цэ.

Чжоу Юй опустил голову и с улыбкой отозвался:

— Перестань льстить.

— Никакой лести, — прямо сказал Сунь Цэ, — я искренне считаю, что это была небесная музыка.

Сунь Цэ помог Чжоу Юю сесть на коня, сам устроился позади него, натянул поводья и, позволяя лошади идти шагом, тихо спросил:

— Ты тоскуешь по дому или по родителям?

Чжоу Юй не знал, что ответить. Сунь Цэ рассмеялся:

— Или, может, это я тебя снова обидел?

Чжоу Юй вздохнул, и Сунь Цэ напрягся:

— Не может быть? Я что-то не припомню...

Чжоу Юй с невозмутимым лицом тихо ответил:

— Я беспокоюсь, что в армии поползут слухи... это вредит тебе.

Сунь Цэ внезапно прижал его к себе крепче:

— Разве не говорят: праведный человек не боится косых теней?

Лицо Чжоу Юя слегка покраснело, он попытался высвободиться из объятий и прошептал:

— Вот именно поэтому... ты ведешь себя неподобающе.

Вернувшись в лагерь, все наперебой стали звать их пить и веселиться. Лу Су предложил: пусть Чжоу Юй играет на цитре, а Сунь Цэ танцует с копьём — это наверняка приведет всех в восторг. Все поддержали идею. Чжоу Юй и Сунь Цэ, немного поупиравшись, всё же согласились. Стоило Чжоу Юю коснуться струн, как даже самые далекие от музыки люди замерли, прислушиваясь, а когда Сунь Цэ пустился в пляс с Копьём Великого Властелина, солдаты в восхищении зааплодировали. Два блистательных героя, объединивших свое искусство, привели всех в полный восторг.

Поздно ночью, пока Чжоу Юй мерил шагами палатку, Сунь Цэ, откинувшись на постели, нахмурился:

— Гунцзинь, о чем ты думаешь?

— Подкрепление еще не прибыло, — ответил Чжоу Юй, — есть предчувствие, что завтра продолжать наступление нельзя, нужно подождать день. Я пойду напишу приказ.

Сунь Цэ, видя его неизменное усердие, улыбнулся:

— Оставляя дела на тебя, я могу спать спокойно. Ты и впрямь для меня как руки и ноги.

Закончив дела, Чжоу Юй наконец смог передохнуть. Увидев, что Сунь Цэ уже крепко спит от усталости, он с мягкой улыбкой укрыл его одеялом, а сам вернулся к изучению карт местности и размышлениям о стратегии.

На рассвете следующего дня Сунь Цэ увидел, что Чжоу Юй уснул, склонившись над кроватью — он сидел прямо на полу, сжимая в руках карту. Сунь Цэ почувствовал укол досады: он ведь должен был заставить его отдохнуть еще вчера. Так и здоровье подорвать недолго. Он осторожно убрал пряди волос с лица спящего Чжоу Юя, любуясь его чертами.

Эта красота заставила Сунь Цэ на миг потерять голову, но он тут же одернул себя, когда снаружи раздался голос Хань Даня:

— Господин! Командир Хань Дань просит аудиенции!

Чжоу Юй проснулся от шума, сонно приподнялся, сел на кровать, откинулся назад и... снова провалился в сон. Сунь Цэ заботливо укрыл его, встал с постели и направился к выходу, чтобы задать взбучку Хань Даню.

Когда Чжоу Юй проснулся, был уже полдень. Чжоу Хань, находившийся рядом, сказал:

— Молодой господин проснулся? Позвольте мне помочь вам умыться.

Чжоу Юй машинально спросил:

— А где господин?

Чжоу Хань с хитрой улыбкой ответил:

— Молодой господин и трех фраз не может связать, чтобы не упомянуть господина.

Чжоу Юй со смехом схватил Чжоу Ханя за запястье:

— Еще раз подшутишь надо мной — пожалеешь.

— Ой-ой-ой, господин, я всё понял, я виноват! — взмолился тот. Чжоу Юй отпустил его, и Чжоу Хань продолжил: — Господин ушел осматривать местность и приказал всем не будить вас. Кстати, господин сейчас точь-в-точь как прежние императоры династии Хань.

Чжоу Юй нахмурился:

— И в чем же сходство?

Чжоу Хань прямо выпалил:

— Когда вы ему в милости, он души в вас не чает, а как поссоритесь — так сразу холодность.

Чжоу Юй снова замахнулся, делая вид, что хочет ударить слугу:

— Значит, ты считаешь меня наложницей из дворца династии Хань?

Чжоу Хань поспешно отскочил, смеясь:

— Это вы сами сказали, я ничего такого не произносил.

Под предлогом выплеснуть грязную воду он выскочил наружу. Чжоу Юй с улыбкой схватил ножны, собираясь огреть его по заду, но не успел сделать и двух шагов, как Чжоу Хань в дверях столкнулся с вернувшимся Сунь Цэ. Таз с водой вылился прямо на господина. Сунь Цэ, очевидно, не ожидал такого приветствия.

Чжоу Хань упал на колени:

— Виноват, господин, карайте!

Сунь Цэ с непроницаемым лицом опустил взгляд на свои промокшие одежды. Чжоу Юй, испугавшись, что Сунь Цэ в гневе убьет слугу, тоже опустился на колени:

— Господин, если хотите кого-то наказать, накажите меня. Это я заставил его суетиться, он не углядел, куда идет.

Сунь Цэ жестом приказал солдатам удалиться, вошел в палатку и сел на кровать. Чжоу Юй оставался на коленях, глядя в пол. Помолчав немного, Сунь Цэ вдруг расхохотался:

— Ха-ха-ха! Надо же, оказывается, ты так забавно выглядишь, когда боишься.

Чжоу Юй поднял голову, сердито сверкнул глазами и хмуро бросил:

— Весело тебе?

Сунь Цэ, у которого слезы выступили от смеха, подошел, чтобы поднять его:

— Весь день потратил на осмотр, устал, а тут твой слуга окатил меня водой... если я не подшучу над тобой, это будет несправедливо.

Чжоу Юй помогал Сунь Цэ переодеться, тихо ворча:

— Я ведь правда испугался, что ты в ярости прикончишь Ханя.

Сунь Цэ с нехорошей усмешкой произнес:

— О? Ты так о нем заботишься?

Чжоу Юй наступил ему на ногу и прошипел:

— Не ищи повода для ссор.

Сунь Цэ вскрикнул от боли, сел на кровать и потер ногу:

— Еще и наступила ради него! Это уже ни в какие ворота не лезет.

Чжоу Юй вздохнул:

— В конце концов, служить правителю — всё равно что жить с тигром. Даже Цзыцзина и остальных ты, Сунь Бофу, можешь в любой момент лишить головы.

Он принес чистую одежду, но Сунь Цэ не спешил одеваться, с интересом глядя на Чжоу Юя:

— Одень меня.

Чжоу Юй закатил глаза:

— Опять ты за свое?

Сунь Цэ только хотел что-то добавить, как снаружи снова послышался голос Хань Дая:

— Господин! Господин! Прибыл Цзу Мао, привел вам отличного коня!

Боясь, что он сейчас ворвется внутрь, Чжоу Юй поспешно помог Сунь Цэ одеться, и они вышли.

Сунь Цэ метнул в Хань Дая пару гневных взглядов, но тот ничего не заметил и позвал Цзу Мао. Конь, которого вел Цзу Мао, был поистине великолепным — высокий, статный, с крепкими копытами и молодой. Сунь Цэ погладил гриву, признав, что зверь хорош.

Сунь Цэ собирался испытать лошадь, и Хань Дая вызвался сопровождать его. Увидев, что Чжоу Юй занят военными делами, Сунь Цэ неохотно уехал с Хань Данем. Когда они удалились, Цзу Мао, словно что-то вспомнив, поклонился Чжоу Юю:

— Дуду, у меня есть письмо для вас.

Чжоу Юй взял конверт и увидел, что это послание от госпожи Сунь, причем с пометкой, что открывать его нужно без свидетелей.

Он буркнул:

— Благодарю, генерал.

Цзу Мао, уже уходя, вдруг обернулся и сказал:

— Оказывается, легендарный дуду такой нежный...

Чжоу Юй нахмурился, обернулся, но Цзу Мао уже след простыл.

Вернувшись в палатку, Чжоу Юй вскрыл письмо от госпожи Сунь, и сердце его дрогнуло.

Гунцзинь, скажу прямо: наши семьи связаны поколениями, и все эти годы я относилась к тебе как к родному сыну, ты сам это знаешь. Тот дар — цитра — был подарен мною, когда до меня дошли слухи о вашей с Бофу чрезмерной близости, перешедшей границы дозволенного. Я была поражена и не могла этого одобрить. Но Бофу — мой родной сын, я знаю его нрав, и никто его

не переубедит. Я подарила тебе цитру, надеясь, что вы будете единомышленниками. Я знаю, что ты одарен талантами и достоин быть великим помощником, и для нашей семьи великое счастье, что ты на стороне Бофу. Надеюсь, ради меня и покойного господина ты приложишь все силы, чтобы помочь ему. После смерти мужа я страдаю от тяжелого недуга, каждый порыв ветра приносит невыносимую боль, врачи говорят, осталось недолго. Престол должен перейти к Цюаню, и ты прекрасно понимаешь, почему. Люди видят всё, помни свою клятву служить семье Сунь до смерти. Прошу лишь одного — в будущем будь добр к Бофу. Прочтя, сожги это письмо, чтобы избежать бед.

Руки Чжоу Юя дрожали. Он разорвал письмо, засунул обрывки обратно в конверт и спрятал в своих военных книгах. Сейчас кругом стены, у которых есть уши, а огнива под рукой нет — пришлось спрятать.

Он снова и снова перечитывал про себя слова госпожи: престол после Бофу должен перейти к Сунь Цюаню. Сердце Чжоу Юя переполняла несправедливость: почему империя, построенная таким тяжким трудом Сунь Цэ, должна достаться Сунь Цюаню? Но прикинув обстоятельства, он понял: дело в их с Сунь Цэ близости — если об этом узнают, репутация будет погублена. Семье Сунь нужен наследник благородного происхождения, не запятнанный дурными слухами, и кроме Сунь Цюаня никого нет. Чжоу Юй не желал смириться, но выхода не было. Раз он поклялся служить семье Сунь, придется подчиниться.

Услышав приближающийся топот, Чжоу Юй вытер слезы и с улыбкой вышел навстречу. Сунь Цэ, заметив, что глаза Чжоу Юя покраснели, нахмурился:

— Что случилось?

Чжоу Юй покачал головой:

— Ничего, ветер поднял пыль, попало в глаз.

Когда они зашли в палатку, Сунь Цэ заметил, что военные книги приподняты, и из любопытства потянулся к ним. Чжоу Юй испугался и поспешно убрал книги. Сунь Цэ с недоумением спросил:

— Гунцзинь, у тебя от меня есть секреты?

— Как могут быть секреты от Бофу? — ответил Чжоу Юй, стараясь говорить спокойно.

— Тогда почему не даешь посмотреть? — Сунь Цэ улыбнулся.

Чжоу Юй от волнения ляпнул первое, что пришло в голову:

— Там просто личные записи.

Сунь Цэ замер:

— О? И какая же дама удостоилась внимания Гунцзиня?

Чжоу Юй потерял дар речи. Зачем он сказал такую глупость? Он уже хотел объясниться, что это не так, но Сунь Цэ, глядя на его замешательство, решил, что у него действительно есть возлюбленная, и почувствовал горечь. Он шагнул к нему, прижимая его к столу:

— Гунцзинь, разве мы не связаны братскими узами? Почему даже такую малость ты скрываешь от меня?

Чжоу Юй смотрел на прекрасное лицо Сунь Цэ, чьи глубокие глаза смотрели на него, как у волка на белого кролика. Он инстинктивно отступил, Сунь Цэ шагнул следом. В конце концов, Чжоу Юй наткнулся на стол, и когда попытался сбежать, Сунь Цэ крепко схватил его за запястья.

Видя, что Чжоу Юй не хочет продолжать, Сунь Цэ решил не давить и отпустил его:

— Не хочешь говорить — не надо. У меня есть дело. В этот раз мы объединились с Юань Шу, чтобы нанести удар по остаткам сил Дун Чжо, Армия семьи Сунь выступает лишь как поддержка. Как только возьмем Лиян, мы сможем заняться набором солдат и сбором провизии...

К вечеру, обсудив дела, они отправились к костру в центре лагеря на ужин. У Цзу Мао был подчиненный, помощник по имени Гунсунь Янь, двадцати с небольшим лет, статный, искусный в фехтовании и стрельбе. Он прибыл в подкрепление и много слышал о великом дуду, чьему уму и красоте пели дифирамбы. Гунсунь Янь горел желанием увидеть его своими глазами. Заметив молодого человека за спиной господина Сунь, он понял, что это и есть легендарный дуду. Он лишь мельком взглянул на него, но образ чистого, как белый нефрит, лица навсегда врезался ему в память.

Расспросив, он убедился, что это действительно Чжоу Гунцзинь. Позже, заметив, как после ужина Чжоу Юй и Сунь Цэ вместе зашли в одну палатку, он удивился и спросил у прохожего:

— Уже так поздно, а дуду всё еще обсуждает с господином военные дела?

Собеседник оказался любителем посплетничать:

— Ты тут новичок, брат, не знаешь. У господина и дуду отношения крепче братских.

Гунсунь Янь воскликнул:

— Вот оно что!

В этот момент к ним подошли Чжу Жань и Сунь Лэ:

— О чем болтаете?

Они поклонились:

— Приветствуем господина Чжу и генерала Сунь.

Сунь Лэ, который терпеть не мог церемоний, махнул рукой:

— Бросьте, говорите быстрее, что там с господином и дуду?

Солдат огляделся и заговорщически прошептал:

— Говорят, они как братья, а на самом деле... я своими глазами видел, как господин обнимал дуду, когда они ехали на коне.

Чжу Жань громко воскликнул:

— Да ладно? Так какие у них отношения...

Сунь Лэ оборвал его:

— Если они говорят, что братские — значит, братские.

Чжу Жань насмешливо добавил:

— Сомневаюсь. Посмотрите на этого Чжоу-лана, выглядит как девица, ведет себя манерно, задирает нос... хм...

Сунь Лэ взглянул на него:

— Ты то же самое говорил про Цзыжання, не так ли?

Чжу Жань развел руками:

— Они все такие. Стоит им начитать книг, как они начинают мнить себя выше остальных.

Сунь Лэ, заметив, что Гунсунь Янь чужой, дал знак Чжу Жаню замолчать и испытал его:

— Ты здесь новенький?

Гунсунь Янь поклонился:

— Генерал, я помощник генерала Цзу Мао, в этом году поступил на службу.

Сунь Лэ задумчиво протянул:

— О... а до этого...

Гунсунь Янь рассмеялся:

— Ой, да я был простым деревенщиной, дрова в лесу рубил. Генерал Цзу Мао проявил ко мне милость. Уже поздно, пойду отдохну, и вам того же желаю.

Когда Гунсунь Янь ушел, Чжоу Жань спросил Сунь Лэ:

— Веришь ему?

Сунь Лэ холодно усмехнулся:

— Ни капли.

Приблизившись к Ляну, когда стемнело, Сунь Цэ отдал приказ разбить лагерь. Конь Чжоу Юя внезапно чего-то испугался. Чжоу Юй изо всех сил пытался удержаться, вцепившись в поводья, но лошадь начала беситься, пытаясь сбросить его. Чжоу Юй не выдержал и вылетел из седла. Послышались крики: «Дуду, осторожно!»

Лошадь взвилась на дыбы, собираясь раздавить его копытами. В то же мгновение две фигуры бросились к нему: одна заслонила Чжоу Юя собой, едва не угодив под удары копыт, другая — Сунь Цэ — с копьём в руках нанесла смертельный удар, и лошадь повалилась замертво.

Сунь Цэ бросил взгляд на Чжоу Юя: тот сидел в объятиях Гунсунь Яня, весь дрожа, и уже начал благодарить его за спасение. А на самого Сунь Цэ, убившего бешеную лошадь, Чжоу Юй даже не посмотрел. Сунь Цэ охватило неистовое раздражение. Он выдернул Копье Великого Властелина из туши животного и, волоча его за собой, в ярости удалился.

Чжоу Юй нахмурился, глядя ему вслед, не понимая, из-за чего тот злится, и повернулся к Гунсунь Яню:

— Благодарю вас, генерал, я в неоплатном долгу.

Гунсунь Янь, запинаясь, ответил:

— Не... не за что... это... э-э... долг подчиненного.

Этой ночью Чжоу Юй тайно сжег письмо госпожи Сунь. Закончив дела, он заметил, что время уже позднее, а Сунь Цэ так и не пришел, и решил сам навестить его. В этот момент к нему зашел Гунсунь Янь с кувшином вина.

Он застенчиво сказал:

— Дуду, я хочу... пригласить вас выпить.

Чжоу Юй мягко улыбнулся:

— Я как раз собирался выйти, сейчас вернусь, подождите меня снаружи.

Гунсунь Янь не хотел уходить. Оставшись один, он от нечего делать поставил вино на стол и принялся рассматривать записи Чжоу Юя — одни непонятные военные трактаты. Он написал на клочке бумаги фразу, положил ее на стол Чжоу Юя и, с глубокомысленной улыбкой, собрался выйти.

Но в дверях столкнулся с Сунь Цэ, который ссорился с Чжоу Юем, входя в палатку:

— Какое тебе дело до меня? Иди присматривай за своим Гунсунь Янем!

Чжоу Юй, следуя за ним, ответил:

— Чем он тебя прогневал? Он спас мне жизнь!

Сунь Цэ взорвался:

— Чжоу Гунцзинь, это я спас тебе жизнь!

Вдруг они оба заметили, что Гунсунь Янь всё это время стоял в палатке, с ошарашенным видом глядя на них. То есть он слышал каждое слово.

Чжоу Юй смущенно спросил:

— Брат Гунсунь, я же просил подождать снаружи...

Гунсунь Янь, поняв, что совершил бестактность, поспешно откланялся:

— Господин, дуду, я немедленно ухожу!

<http://bllate.org/book/22340/2340632>